

УДК 168.2, 81-13

Структура языковых категорий: классический vs. прототипический подходы*

Скребцова Татьяна Георгиевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра математической лингвистики, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11,

тел.: +7 (921) 310-33-19.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Проблема категоризации мира человеком восходит к трудам древнегреческих философов. В частности, с именем Аристотеля связывают так называемую классическую теорию категорий, безраздельно господствовавшую в науке на протяжении более чем двух тысячелетий. В 1960–1970-е гг., в связи с когнитивной революцией, начинает складываться альтернативная теория категоризации, а именно теория прототипов. В настоящее время принято рассматривать данные теории как в некотором роде комплементарные: классическая служит инструментом непротиворечивого рассуждения в логике, математике, естественных науках, а прототипическая отражает специфику бытового, повседневного мышления.

Цель: В работе рассматриваются исходные постулаты классической теории, а также предпосылки возникновения прототипической теории и ее основные положения. Далее следует обращение к языковому материалу. Анализуются такие базовые лингвистические понятия, как слово, предложение, части речи (существительное, глагол), падеж, синоним и др. Цель исследования состоит в том, чтобы выяснить, как устроены категории естественного языка и какой подход – классический или прототипический – более приспособлен для их описания.

Результаты: Анализ лингвистических категорий выявляет их несоответствие требованиям, предъявляемым классической теорией. Языковые категории зачастую лишены четких границ, принадлежность к категории не может быть задана набором необходимых и достаточных условий, а членство является градуальным. Во всех рассмотренных категориях наблюдается прототипический эффект, связанный с асимметрией между более и менее типичными представителями категории (или ее лучшими и худшими примерами).

Выводы: Прототипическая теория является более адекватным инструментом описания строения языковых категорий, чем классическая. Это объясняется тем, что в естественном языке находят свое отражение общие когнитивные способности человека. Поэтому неудивительно, что структурные

* © Т. Г. Скребцова, 2018

категории языка во многом схожи с категориями, при помощи которых человек осмысляет окружающий его мир.

Ключевые слова: категоризация; классическая теория категорий; теория прототипов; прототипический эффект; языковые категории; теория семантического поля; Пражский лингвистический кружок.

The Structure of Linguistic Categories: Classical vs. Prototype Theories

Skrebtsova Tatyana Georgievna – Saint Petersburg State University, Department of Mathematical Linguistics, Ph. D. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

11 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia,
tel.: +7 (921) 310-33-19.

Abstract

Background: Categorization, the process in which things and ideas are recognized, differentiated and understood, has to do with grouping individual objects into categories. Research into the issue can be traced back to Ancient Greek philosophers and, in particular, to a special treatise by Aristotle, which lay foundation for the so-called classical theory of categorization. In it, categories have clear boundaries, are defined in terms of necessary and sufficient features, and all members of a category have equal status. Over the centuries, the classical theory became deeply entrenched in the Western thought. It was taken for granted in most scholarly disciplines, being considered an unquestionable truth. In the 1960-70s, due to the cognitive revolution, an alternative approach, prototype theory, sprang up. Nowadays, the two theories are normally viewed as complementary, rather than competing ones. The classical theory serves as an indispensable tool in logical reasoning, mathematics and sciences while prototype theory seems best suited for capturing the way we draw lines in our everyday experience.

Aim: The paper addresses main postulates of the classical theory as well as the historical background and the import of the prototype approach. Next, the structure of a few basic linguistic categories (word, sentence, parts of speech, case, synonym, etc.) is analyzed, to find out which theory is able to provide an adequate account.

Results: A rough-and-ready analysis of the basic linguistic categories reveals that they do not meet the assumptions of the classical theory. Linguistic categories often lack clear boundaries, their members do not share a fixed list of necessary and sufficient features and membership is graded. Linguistic categories show prototype effects, i. e. asymmetry between most and less typical category members, its better and worse examples.

Conclusion: Prototype theory fits the structure of linguistic categories much better than the classical approach. Language, being at once a product and an instrument of cognition, is more likely than not to reflect general cognitive abilities

and, in particular, the ability to categorize. Thus it is no accident that language categories are analogous to the categories which human beings perceive in the non-linguistic world around them.

Keywords: categorization; classical theory of categories; prototype theory; prototype effects; linguistic categories; semantic field theory; Prague linguistic circle.

Классическая и прототипическая теории категоризации

Категоризация как ментальная операция, связанная с осмыслением непрерывного континуума опыта в терминах дискретных категорий, лежит в основе всей жизнедеятельности человека. Каждый из нас, не отдавая себе в том отчета, ежесекундно выполняет операции по распознаванию того или иного нового фрагмента опыта (будь то предмет, слово, действие, состояние и т. д.) как разновидности определенного, обычно уже знакомого, класса сущностей или явлений. Как замечает видный представитель когнитивной лингвистики Дж. Лакофф, если лишить человека этой способности, он не сможет функционировать ни физически, ни социально, ни интеллектуально [см.: 4, с. 20].

Как это происходит? Откуда берутся категории и как они устроены? На первый взгляд может показаться, что категории заданы в самой действительности, а наш ум всего лишь их отражает. Однако это не так, и простейшим опровержением служит наличие в понятийной системе человека абстрактных категорий, существующих только в его сознании [см.: 4, с. 20]. Другое возможное возражение связано с отсутствием четких границ даже между конкретными сущностями (ср. *дерево* и *куст*, *гора* и *холм*, *лес* и *парк*, *река* и *ручей*, *улица* и *проспект*), не говоря уж об абстрактных (например, *радость* и *счастье*, *экономический спад* и *экономический кризис* и т. д.). Наконец, можно указать на различное членение действительности в разных языках мира – обстоятельство, послужившее поводом для выдвижения теории лингвистической относительности. Таким образом, очевидно, что категории не заданы во внешнем мире, а являются результатом осмысления этого мира человеком; отсюда важность соответствующей проблемы для философии и когнитивной науки.

Представители последней считают, что в настоящее время в науке сосуществуют две альтернативные теории категорий: одна – «классическая»¹ – восходит к Аристотелю, другая – «прототипическая» – сформировалась относительно недавно (в 1970-е гг.) и связана с исследованиями американского когнитивного психолога Э. Рош. Классическая теория безраздельно господствовала в науке на протяжении более двух тысяч лет, в результате чего превратилась в нечто само собой разумеющееся и не вызывающее сомнений. Однако, будучи продуктом априорных умозрительных построений, она, как утверждают когнитивисты, не учитывает особенности осмысления мира

¹ Эпитет *классическая* здесь одновременно включает ссылку на античность и выступает синонимом слов *традиционный, общепринятый* [см.: 15, р. 22].

человеком, и в этом ее серьезный недостаток. Напротив, прототипическая теория имеет эмпирическое обоснование, придающее ей психологическую достоверность [см.: 4, с. 21].

Согласно классической теории, традиционно связываемой с именем Аристотеля, категория представляет собой некое абстрактное вместилище, заключающее в себе некоторое множество сущностей – равноправных членов данной категории, обладающих рядом общих существенных свойств. Таким образом, основные положения данного подхода можно сформулировать следующим образом [ср.: 15, р. 23–24]:

– категории представляют собой абстрактные вместилища с четкими границами;

– члены категории обладают набором общих существенных свойств, которые можно рассматривать как необходимые и достаточные условия членства в данной категории;

– члены категории обладают одинаковым статусом внутри категории.

Возникновение прототипической теории было подготовлено экспериментальными работами антропологов, психологов, лингвистов, в которых была показана несостоятельность этих исходных установок классической теории [см.: 3; 4, с. 28–62]. Важнейшим философским трудом, поставившим под сомнение ее универсальную валидность, стали «Философские исследования» Л. Витгенштейна [см.: 4, с. 32–34].

Психологические эксперименты Э. Рош были направлены на изучение внутреннего устройства предметных категорий, таких как *мебель*, *фрукт*, *игрушка*, *птица*, *одежда* и пр. [см. обзор ее работ – 4, с. 62–70]. Основной итог исследований связан с выявлением неравноправия между членами категории: некоторые из них, согласно информантам, оказались более типичными, центральными представителями, а другие – менее характерными, периферийными. Иными словами, можно говорить о лучших и худших примерах той или иной категории.

Так, среди птиц лучшим примером категории (ее центральным представителем, прототипом), с точки зрения калифорнийских студентов², оказалась малиновка. Рош объясняет это тем, что в сознании людей существует представление о «настоящей» птице, которая умеет летать и петь, не хищная и в то же время не домашняя, не очень крупная и т. д., так что малиновка (будучи к тому же распространенной птицей в регионе, где проживали информанты) оказалась ближе других к этому «идеалу». Чем больше отклонение от «идеала», тем дальше от центра расположен соответствующий представитель. Так, хищные птицы (например, орлы) были признаны менее типичными членами категории. Еще дальше на периферии оказались курицы, гуси, утки, пингвины и страусы – в силу того, что все они довольно крупные, некоторые не умеют летать, некоторые домашние и т. д. Однако, как подчеркивает автор, неравенство членов категории не означает, что, к примеру, пингвин и страус являются в меньшей степени птицами, чем малиновки. Все члены данной

² Очевидно, что подобного рода суждения являются культурно-обусловленными.

категории являются «сто процентными» птицами, различие же заключается только в их типичности, иными словами, в степени близости к прототипу.

Согласно Рош, центральные члены категории чаще встречаются в повседневной жизни, раньше усваиваются в детстве, быстрее распознаются и служат для представления всей категории в целом. Асимметрия между центральными и периферийными членами категории с точки зрения их когнитивного статуса получила название прототипического эффекта. Причины его возникновения обсуждаются в глубокой и содержательной статье [см.: 10]. Автор приводит четыре гипотезы, в той или иной степени обозначенные в работах самой Рош: физиологическую, референциальную, статистическую и психологическую, причем последняя ему кажется наиболее адекватной, способной объяснить даже те случаи, которые идут вразрез с другими объяснениями [см.: там же].

Теория прототипов вызвала огромный резонанс в научных кругах: в 1970–1980-е гг. начался настоящий бум изучения категоризации, приведший к ее выделению в самостоятельный раздел когнитивной психологии. Исследования вскоре вышли за пределы предметных категорий: за известной статьей, посвященной более и менее типичным ситуациям лжи [см.: 8], последовали работы, авторы которых рассматривали различные действия и свойства с точки зрения теории прототипов (см., например, анализ действий, обозначаемых глаголами *look* ‘смотреть’, *kill* ‘убивать’, *speak* ‘разговаривать’, *walk* ‘идти’, в работе [14] или свойства *tall* ‘высокого роста’ в статье [9]). Во всех подобных исследованиях мысль о неравенстве членов категории получила подтверждение. Прототипические эффекты были обнаружены даже в категориях четных и нечетных чисел!

Казалось бы, четные и нечетные числа – хороший пример категорий, в которых соблюдаются все три принципа классического подхода; тем не менее оказалось, что для бытового сознания не все числа одинаково значимы. В опыте, описанном в статье [7], испытуемым был дан некоторый набор четных и нечетных чисел и предложено оценить их статус в соответствующих категориях. По результатам эксперимента из нечетных чисел наиболее высокий рейтинг получило число 3, а самый низкий – числа 447 и 91; среди четных чисел лидировали 2 и 4, а 106 и 806 были сочтены худшими представителями категории. Эти курьезные результаты, однако, нисколько не противоречат научному знанию. Дело в том, что обычный человек (не математик) на протяжении своей жизни чаще всего имеет дело с числами 2, 3 и 4, и потому они обладают для него когнитивной выделенностью. Таким образом, в данном случае прототипические эффекты объясняются расхождениями между научной и онтологически первичной наивной картинами мира.

Обращение исследователей к разнообразным категориям расширило представления ученых о том, как они в принципе могут быть устроены. Рассматривая категорию *птица*, Рош пришла к выводу о том, что она имеет четкие границы, наиболее типичный представитель расположен в центре категории, а ее целостность поддерживается как наличием общих признаков, так и отношениями семейного сходства. Однако так устроены не все категории.

Витгенштейн указал на отсутствие общих свойств у членов категории *игра*, а Лабов – на размытость границ между *чашками, кружками, мисками* и *вазами* (см. выше). Нет границ и у упомянутой выше категории *tallness* ('быть высокого роста'), но по другой причине, а именно, зависимости от прежнего опыта индивида и прочих внешних факторов (так, понятие *высокий человек* различно для жителей скандинавских стран и пигмеев). У этой категории есть и другие существенные отличия от категории *птица*: она «одномерна» (т. е. представляет собой шкалу, вдоль которой ранжируются конкретные люди в зависимости от их роста), членство в ней является градуальным, а наиболее типичный представитель расположен на одном из концов шкалы. Вообще, размытые границы и градуальное членство в категории присущи целому ряду категорий, ср.: *предмет красного цвета, теплая вода* и т. д.

Интересно, что язык обладает специальными ресурсами для выражения разной степени членства внутри категорий – это такие ограничительные частицы, вводные обороты и прочие конструкции, как *строго говоря, мягко выражаясь, фактически, практически, почти, вообще-то, как таковой, в том смысле что, типа, как бы* [ср.: 13].

Можно ли сказать, что прототипическая теория категорий вытеснила классическую? Едва ли. Скорее, они находятся в отношении комплементарности. Несомненным достоинством теории прототипов является ее гибкость, способность «приспосабливаться» к меняющимся бытовым и социальным реалиям. Так, многие предметы обихода, бывшие прототипами соответствующих категорий, скажем, век или полвека назад, с течением времени отодвигаются все дальше на периферию категории (ср. изменение внешнего вида телефона, чемодана и пр.). В отличие от классической теории, в рамках которой всякие изменения в науке, технике или общественной жизни означают необходимость создания новых категорий или кардинальной ревизии старых, прототипический подход предполагает растяжимость границ и подвижность внутренней структуры категории, что позволяет легко вводить в нее новых представителей.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что классическая теория никогда явным образом не претендовала на адекватное отражение специфики повседневного, «бытового» человеческого мышления. Она была вызвана к жизни потребностью непротиворечивого рассуждения в логике, математике, естественных науках и продолжает оставаться в них удобным инструментом. Возникновение альтернативной теории категоризации связано с тем, что прочная, многовековая закреплённость классического подхода в научной традиции привела к его абсолютизации и попыткам механического переноса на явления другого порядка; здесь-то и обнаружилось его несоответствие психологической реальности.

Описание языковых категорий с позиций классической и прототипической теорий

В гуманитарных науках определение и описание явлений с позиций классического подхода неизбежно наталкивается на сопротивление материала.

Языкознание в этом смысле не является исключением. Лингвистические понятия, как правило, не обладают четкими границами и не могут быть описаны через набор необходимых и достаточных свойств.

Трудности возникают уже при определении такого, казалось бы, самоочевидного понятия, как слово. В бытовом сознании носителя русского языка слово – это то, что на письме ограничено с обеих сторон пробелами или знаками препинания. Заметим, что это определение малопригодно в общелингвистическом плане, что обусловлено существенными межъязыковыми различиями. Но даже в рамках русского языка оно чревато осложнениями, ср. *никто, никого, но ни для кого, никому, но ни к кому; кое-что, но кое о чем* и т. д. Получается, что члены одной парадигмы то выступают в виде одного слова, то разрываются предлогом и включают два слова³.

Поэтому лингвисты при определении понятия слова считают необходимым учитывать не только формальный, но и содержательный критерий, а именно семантическое единство слова. Но здесь возникает новая проблема, связанная с возможным конфликтом между этими двумя критериями. В частности, в языке есть идиомы, представляющие собой тесно спаянные словосочетания, характеризующиеся своим особым значением, отдельно фиксируемым в толковых словарях, ср. *дать дуба, очертя голову, ни зги (не видно)*. Есть также широкий круг так называемых устойчивых сочетаний, или коллокаций, значение которых не выводимо из значений составляющих их слов, ср. *железная дорога, большой палец* и пр. Получается, что в семантическом аспекте идиомы и коллокации аналогичны отдельным словам, а в формальном представляют собой комплекс из двух (или более) слов. Обратная проблема – с семантическим критерием – возникает у служебных слов. Например, в предложении *Мяч влетел в окно* предлог *в* формально представляет собой отдельное слово, а в содержательном плане едва ли отличается от приставки *в-* в глаголе *влетел* (оба выражают направление вовнутрь). Указанные несоответствия наглядно демонстрируют, что понятие слова не поддается определению в рамках классической теории категорий.

Возьмем другое базовое понятие – предложение. С графической точки зрения, оно представляет собой цепочку буквенных (или смешанных, так как возможно вкрапление цифр и других знаков) символов, ограниченных такими знаками препинания, как точка, многоточие, восклицательный или вопросительный знак (если речь не идет о начальном предложении текста). Однако это формальное определение «не работает» в случае прямой речи, ср.: «– *Подожди!* – крикнул он». С одной стороны, предложением является вся последовательность из трех слов, с другой – прямая речь в виде восклицания также является самостоятельным предложением. Если же обратиться к семантическому критерию, согласно которому предложение должно обладать смысловой законченностью, то его несостоятельность выявляется не только в случае прямой речи, но и у широкого круга неполных предложений наподобие

³ Здесь, кстати, можно вспомнить, что написание слитно, через дефис или отдельно в ряде случаев является совершенно формальным моментом, который регулируется текущими правилами орфографии. Это написание может различаться в разные периоды истории языка.

«Я – за», «Это – тебе», «Какой сегодня день? – Понедельник», «Чья это книга? – Моя» и т. п., которыми изобилует разговорная речь.

Ярким примером, показывающим непригодность классических категорий в языкознании, может служить понятие частей речи. Еще А. М. Пешковский [5, с. 79] указывал на существенные различия в семантике глаголов и невозможность ее сведения к идее действия, ср.: «Нам смешна школьная формула *что сделал? – умер*». Действительно, помимо глаголов действия, в языке есть, к примеру, глаголы состояния (*висеть, зеленеть, гордиться, хотеть, господствовать, владеть*), в том числе безличные (*морозить, светать, знобить*), которые близки к другой части речи – так называемой категории состояния (*душно, больно, завидно*).

Аналогичным образом, далеко не все существительные характеризуются предметностью. Абстрактные существительные, напротив, имеют выраженную признаковую семантику, что сближает их с прилагательными (ср. *белизна – белый, ум – умный, смелость – смелый, великолетие – великолетний*). При этом само деление на конкретные и абстрактные существительные не является однозначным, и речь идет не о строгой оппозиции, а о градуальной шкале. На одном ее конце – существительные, обозначающие конкретные исчисляемые предметы (одушевленные или нет), а на противоположном – абстрактные философские категории наподобие времени, меры, энергии. Между этими полюсами на разном удалении располагаются прочие случаи, например, собирательные существительные (*детвора, горох, песок, вода*), обозначения мест и географических объектов (*двор, равнина*), общественных институций (*полиция, министерство*) и т. д. В итоге, не получается выделить ни четкие содержательные критерии для глагола и существительного, ни формальные. Последнее выражается в разнице парадигм – так, безличные глаголы могут употребляться только в 3-м лице единственного числа (в отличие, скажем, от глаголов действия, имеющих полную парадигму), а собирательные существительные (и также целый ряд абстрактных существительных) не имеют форм множественного числа.

Следует заметить, что основания для выделения категорий особенно зыбки в области лексической семантики. Можно указать, к примеру, на различия в интерпретации понятия синонимии и различные виды синонимов. Как известно, в языке существует небольшое число так называемых полных синонимов, или дублетов, которые характеризуются одинаковым значением и сочетаемостью (ср. *лингвистика – языкознание, бегемот – гиппопотам, алфавит – азбука*). Гораздо больше частичных синонимов, которые могут различаться оттенками значения (*узкий – тесный – тонкий*) или стилистической окраской (*лицо – лик – физиономия – мордашка – рыло – харя*).

Другие семантические отношения в лексике (антонимия, омонимия, полисемия, меронимия и пр.) также не образуют единых, внутренне однородных категорий с четкими границами. Наглядным примером могут служить понятия полисемии (многозначности) и омонимии. Эти феномены сближает формальный момент: одна и та же языковая форма имеет более одного значения. Однако по сути это разные явления, и соответствующие

случаи по-разному описываются в толковых словарях. Согласно школьным определениям, если между значениями языковой формы нет никакой связи, то перед нами омонимы, а если такая связь есть, то это значения многозначного слова. Но школьные определения, как водится, упрощают действительность.

Лексикологам хорошо известно, что существует явление так называемой разошедшейся полисемии, а именно: некогда прочно связанные между собой значения со временем стали как бы отдаляться друг от друга, связь между ними ослабевала, так что на настоящий момент она практически не осознается носителями языка. Ср.: *лопатка1* – ‘часть тела’ и *лопатка2* – ‘орудие для копания’, *пленишь1* – ‘взять в плен’ и *пленишь2* – ‘очаровать’, *сечь1* – ‘бить в наказание’ и *сечь2* – ‘рубить на части’, *вязать1* – ‘стягивать веревкой’ и *вязать2* – ‘плести спицами, крючком или на машине’, *махнуть1* – ‘делать взмах рукой’ и *махнуть2* – ‘отправиться, поехать куда-нибудь’. Следует ли такие значения рассматривать как случаи полисемии (отдавая дань истории слова) или омонимии? Общего решения здесь не может быть в силу индивидуальности, уникальности каждого слова, и вследствие этого одна и та же языковая форма может в одних словарях выступать в виде многозначного слова, а в другом – набора омонимов. С точки зрения целей настоящего исследования важно то, что, куда бы подобные случаи ни были отнесены, они неизбежно оказываются периферийными, лежащими в зоне пересечения омонимии и полисемии – двух разных языковых категорий.

Можно было бы предположить, что грамматические категории характеризуются большей четкостью и однородностью, но это не так. Рассмотрим, например, падеж. В школьном учебнике русского языка выделяется шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный). В то же время лингвисты фиксируют наличие у некоторых существительных дополнительно форм партитива (ср. *налить чаю, водки* vs. *налить чай, водку*; *нанесло много снега* vs. *нанесло много снега*), местного падежа (*висеть в шкафу* vs. *говорить о шкафе*), а также формирование в современном русском языке «новозвательного падежа», проявляющегося в таких усеченных формах, как *Мам! Вась! Лен!* – наряду с сохранением ограниченного числа древнерусских форм звательного падежа, ср. *отче, боже, господи* и нек. др. Очевидно, что эти «дополнительные» падежи не являются центральными представителями соответствующей категории, а располагаются на ее периферии.

Мы привели достаточно примеров, показывающих непригодность классической теории категоризации для адекватного описания естественного языка. Языковые категории не обладают четкими границами, и членство в них невозможно задать перечнем необходимых и достаточных условий. Очевидно, что члены языковых категорий имеют разный статус с точки зрения большей или меньшей типичности. Следовательно, требуется принципиально иной подход.

Этот факт осознавался лингвистами задолго до возникновения когнитивной науки и формирования теории прототипов. В период между мировыми войнами немецкими языковедами, провозгласившими себя

неогумбольдтианцами – последователями В. фон Гумбольдта (Г. Ипсенем, Й. Триром, Л. Вайсгербером и др.), – была выдвинута теория семантического поля, которая предложила осмысление языковых явлений с позиций соответствующей пространственной метафоры. Поле представляет собой некоторый участок со своим центром, периферией и границами, отделяющими его от смежных полей. Соответственно, можно говорить о языковых единицах, располагающихся ближе к центру или дальше от него. Границы поля, как правило, размыты, и периферии соседних полей пересекаются, так что некоторые единицы могут одновременно считаться членами двух и более полей. Теория семантического поля успешно применяется по сей день при описании как словарного состава, так и грамматических явлений.

Схожие мысли примерно в то же время высказывались представителями Пражского лингвистического кружка (Ф. Данешем, Й. Вахеком, С. Карцевским и др.). Описание языковых явлений в терминах центра и периферии опиралось здесь не столько на пространственную метафору, сколько на разнообразные аналогии из области физики: гравитационное поле, силу, энергию, притяжение, излучение. Апелляция к этим понятиям позволяла лингвистам обсуждать не только синхроническую структуру языка, но и диахронические процессы – языковые изменения и их причины.

Появление этих концепций было вызвано к жизни проблемами, связанными, как показано выше, с несоответствием теоретических установок классической теории категоризации реалиям естественного языка. Становление и развитие прототипической теории в 70–80-е гг. XX века обеспечивает более общую философскую основу для адекватного рассмотрения и описания языковых явлений.

Теоретической предпосылкой применения прототипической теории к языковым категориям служит идея о том, что в естественном языке – продукте и инструменте когниции – проявляются общие когнитивные способности человека, в том числе способность к категоризации. И есть все основания полагать, что структурные категории языка во многом схожи с категориями, при помощи которых человек осмысляет окружающий его мир [см.: 15, с. ix–x].

Как показал в своем обстоятельном исследовании Дж. Тэйлор, прототипические эффекты наблюдаются на всех уровнях языка – от фонологии до синтаксиса [см.: 15]. Различные языковые категории – будь то фонема, слог, интонационная конструкция, слово, падеж, глагольная переходность, полисемия, метафора и пр. – неизменно демонстрируют наличие более и менее типичных членов.

Если вновь обратиться к нашим примерам (см. выше), можно предположить, что прототипом языковой категории *слово* будут однословные исчисляемые конкретные существительные (благодаря их номинативности, семантической и грамматической самодостаточности). Применительно к понятию предложения, лучшими примерами будут отдельные двусоставные предложения; односоставные предложения (назывные, неопределенно-личные и т. д.) будет располагаться дальше от центра, а неполные и вовсе на периферии. Неполные предложения, представленные единственным словом

(*Понедельник. Нет. Спасибо*), можно с сугубо формальной точки зрения считать словами; таким образом, будет наблюдаться пересечение соответствующих категорий за счет периферийных явлений.

Как известно, частеречная классификация слов вызывает особенные сложности в рамках классической теории категорий, что приводит к отсутствию единого мнения в трактовке целого ряда явлений. Преимущества прототипического подхода в решении этого вопроса убедительно показаны в исследованиях [см.: 11; 12; 2; 1, с. 134–170]. Вновь возвращаясь к нашим примерам, можно сказать, что, в полном соответствии со школьным определением (см. выше), прототипическими глаголами будут глаголы действия, предполагающие целенаправленное воздействие одушевленным агенсом (желательно – человеком) на конкретный объект, приводящее к изменениям в нем, ср. *резать, пилить, копать*. От центра несколько отстоят глаголы перемещения (*идти, ехать, карабкаться*) и движения вообще (*шевелиться, прыгать*), а также глаголы, обозначающие природные процессы (*расти, течь, распускаться*). Еще дальше к периферии располагаются глаголы речи (*говорить, восторгаться*), умственной деятельности (*думать, разгадывать*), социальной деятельности (*учреждать, служить, трудиться*) и физиологических действий (*пить, есть*). Глаголы, обозначающие различные состояния и отношения (*жить, обладать, ревновать, мечтать, бездельничать, болеть, весить, стоить, включать*), а также десемантизированные глаголы типа *быть* и *являться* находятся на границе соответствующей языковой категории. Аналогичным образом, прототипическими существительными будут конкретные существительные, обозначающие счетные предметы и лица.

Итак, прототипическая теория категорий оказывается более подходящим инструментом для анализа и описания языковых явлений, чем классическая. Примечательно, что отношения между данными теориями можно рассматривать в более широком контексте – как соотношение логического и психологического в разных направлениях типологии [подробнее см.: 6]. Столетие назад О. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» писал о двух типах культур – ориентированных исторически и психологически. Европейская культура нового и новейшего времени была исторически (и логически) ориентированной культурой, поэтому в XIX в. «исторические классификации» получили широкое распространение. Североамериканская же культура является культурой психологически ориентированной. Смена лидерства Европы лидерством Северной Америки во второй половине XX века привела к доминированию психологического над логическим. В результате акцент сместился с классификации на категоризацию: в фокусе внимания оказалась уже не операция многоступенчатого, разветвленного деления логического объема понятия, а психический процесс отнесения единичного объекта, события, переживания к некоторому классу [см.: 6, с. 370].

Список литературы

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.

2. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 327 с.
3. Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М.: Прогресс, 1983. – С. 133–176.
4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.
6. Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Из истории типологических представлений // Структурная и прикладная лингвистика. – Вып. 7. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 328–390.
7. Armstrong S. L., Gleitman L. R., Gleitman H. What Some Concepts Might Not Be // *Cognition*. – 1983. – Vol. 13. – № 3. – pp. 263–308.
8. Coleman L., Kay P. Prototype Semantics: The English Verb *Lie* // *Language*. – 1981. – Vol. 57. – № 1. – pp. 26–44.
9. Dirven R., Taylor J. The Conceptualization of Vertical Space in English: The Case of *Tall* // *Topics in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – pp. 379–402.
10. Geeraerts D. Where Does Prototypicality Come From? // *Topics in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – pp. 207–229.
11. Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*. – 1980. – Vol. 56. – № 2. – pp. 251–299.
12. Hopper P. J., Thompson S. A. The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal Grammar // *Language*. – 1984. – Vol. 60. – № 4. – pp. 703–752.
13. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Papers from the 8th Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. – Chicago: Chicago University Press, 1972. – pp. 183–228.
14. Pulman S. G. *Word Meaning and Belief*. – London: Croom Helm, 1983. – 179 p.
15. Taylor J. R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 312 p.

References

1. Wierzbicka A. Semantic Universals and Language Description [*Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov*]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 1999, 780 p.
2. Kubryakova E. S. Parts of Speech from a Cognitive Viewpoint [*Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya*]. Moscow, Institut yazykoznaneya RAN, 1997, 327 p.
3. Labov W. The Structure of Referential Meaning [Struktura denotativnykh znacheniy]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 14* (New Trends in Foreign Linguistics. Vol. 14). Moscow, Progress, 1983, pp. 133–176.

4. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind [*Zhenschiny, ogon i opasnye veschi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2004, 792 p.

5. Peshkovskiy A. M. Russian Syntax from a Scholarly Viewpoint [*Russkiy sintaksis v nauchnom osveschenii*], 7th ed. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva prosvescheniya RSFSR, 1956, 512 p.

6. Chebanov S. V., Martynenko G. Y. From the History of Typological Representations [Iz istorii tipologicheskikh predstavleniy]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika. Vyp. 7* (Structural and Applied Linguistics. Vol. 7). Saint Petersburg: SPbGU, 2008, pp. 328–390.

7. Armstrong S. L., Gleitman L. R., Gleitman H. What Some Concepts Might Not Be. *Cognition*, 1983, Vol. 13, № 3, pp. 263–308.

8. Coleman L., Kay P. Prototype Semantics: The English Verb *Lie*. *Language*, 1981, Vol. 57, № 1, pp. 26–44.

9. Dirven R., Taylor J. The Conceptualization of Vertical Space in English: The Case of *Tall*. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1988, pp. 379–402.

10. Geeraerts D. Where Does Prototypicality Come From? *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1988, pp. 207–229.

11. Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*, 1980, Vol. 56, № 2, pp. 251–299.

12. Hopper P. J., Thompson S. A. The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal Grammar. *Language*, 1984, Vol. 60, № 4, pp. 703–752.

13. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Papers from the 8th Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. Chicago, Chicago University Press, 1972, pp. 183–228.

14. Pulman S. G. Word Meaning and Belief. London, Croom Helm, 1983, 179 p.

15. Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 1995, 312 p.